

УДК 378.4.011(04)"375/14.92"
DOI 10.18799/26584956/2023/4/1704

Университет средневековья: контекст интеллектуальных и культурных традиций. Часть II

М.А. Корниенко✉

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия,
г. Томск*

✉ mkornienko1@gmail.com

Аннотация

В статье показано, что благодаря высоким стандартам преподавания диалектики и теологии Парижский университет приобретает к концу XII в. всеобщую известность. Париж утвердился в статусе главного научного центра Европы, оплота католической веры, «города книг и ученых». Сфера университетского образования, по мнению автора, получает мощный импульс развития за счет интенсивного использования переводной латинской классики, переводов греческих и арабских сочинений – тех источников, которые были ассимилированы латинской христианизированной культурой. На приоритетные позиции в образовательном сегменте университета Средневековья выходят философия и логика. Уже существовал платонизм, открытый тому влиянию, которое шло от Прокла и Авиценны. К началу XIII в. в университетском образовании формируется новая культурная парадигма, сочетающая в себе грамматические основы латыни («восстание» логизированной грамматики), логику, философию Аристотеля. Изящная словесность уходит на второй план в сравнении с теологией и схоластической философией (ситуацию изменит XIV в., век высокого стиля, плодотворный для философии и теологии, подготовивший интеллектуальный переворот XV и XVI вв., связанный с именем Петрарки, «князя красноречия»). Раскрыта роль и обозначена специфика лекции и диспута, охарактеризован потенциал методов комментирования и вопрошания (quaestio) в процессах университетского образования Средневековья.

Ключевые слова: латинская патристическая культура, доктринальный синтез, оплот католической веры, романский ренессанс, ранняя схоластика, платонизм, изящная словесность, интеллектуальный переворот, теология, схоластика, логизированная грамматика, лекция, диспут, методы комментирования и вопрошания (quaestio).

Для цитирования: Корниенко М.А. Университет средневековья: контекст интеллектуальных и культурных традиций. Часть II // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2023. – № 4 (51). – С. 12–22. DOI: 10.18799/26584956/2023/4/1704.

UDC 378.4.011(04)"375/14.92"
DOI 10.18799/26584956/2023/4/1704

Middle Ages University: context of intellectual and cultural traditions. Part II

M.A. Kornienko✉

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

✉ mkornienko1@gmail.com

Abstract

The article shows that due to the high standards of teaching dialectics and theology, the University of Paris is gaining universal fame by the end of the 12th century. Paris has established itself in the status of the main scientific center of Europe, the stronghold of the Catholic faith, «the city of books and scientists». The sphere of university education, according to the author, receives a powerful impetus for development through the intensive use of translated Latin classics, translations of Greek and Arabic works – those sources that were assimilated by the Latin Christianized culture. Philosophy and logic take priority positions in the educational segment of the University of the Middle Ages. There was already a Platonism open to the influence that came from Proclus and Avicenna. By the beginning of the 13th century, a new cultural paradigm was being formed in university education, combining the grammatical foundations of Latin (the «revolt» of logical grammar was taking place), logic, and the philosophy of Aristotle. Fine literature fades into the background in comparison with theology and scholastic philosophy, interest in it is muted (the situation will be changed by the 14th century, a century of high style, fruitful for philosophy and theology, which prepared the intellectual upheaval of the 15th and 16th centuries, associated with the name of Petrarch, «prince of eloquence»). The role and specifics of lectures and disputes are revealed, the potential of commenting and questioning methods (quaestio) in university education of the Middle Ages is characterized.

Keywords: Latin patristic culture, doctrinal synthesis, stronghold of the Catholic faith, Romanesque Renaissance, early scholasticism, Platonism, belles letters, intellectual revolution, theology, scholasticism, logicized grammar, lecture, debate, methods of commenting and questioning (quaestio).

For citation: Kornienko M.A. Middle Ages University: context of intellectual and cultural traditions. Part II. *Journal of wellbeing technologies*, 2023, no. 4 (51), pp. 12–22. DOI: 10.18799/26584956/2023/4/1704.

Совокупность интеллектуальных и культурных тенденций XII столетия предвосхищает зарождение новой эпохи христианской мысли. В то же самое время XII в. являет собой расцвет латинской патристической культуры, которую Средневековье унаследовало от Западной Римской империи. Но труды арабских философов и метафизика Аристотеля еще не получили широкого распространения в учебных заведениях Европы.

Актуальная для XII в. проблема универсалий побуждала логиков обратиться к метафизике. И если в теологии авторитет Августина позволил обратиться к идеям Платонизма и неоплатонизма, то размышления Абельяра об универсалиях стали предпосылкой, которая способствовала расцвету аристотелизма. Впрочем, еще с середины XII в. в школы уже начали приходить идеи физики Аристотеля.

Постепенно формируются черты будущего доктринального синтеза XIII в. Средоточием его оформления становится Париж и университет Парижа. Благодаря высоким стандартам преподавания диалектики и теологии Париж приобретает всеобщую известность. Абельяр, прибывший сюда для завершения философского образования, был поражен тем, насколько высок уровень преподавания диалектики в этом городе. В «Истории моих бедствий» Абельяр отмечает: «Наконец я прибыл в Париж, где эта отрасль познания уже давно и всемерно процветала» [1, с. 12]. К концу XII в. Париж окончательно утвердился в статусе главного научного центра Европы. Со всех концов Европы искавшие знания стремились попасть в эту «цитадель католической веры», «город книг и ученых». Так, XII в. предвещал наступление блистательного века схоластики.

Завершая характеристику эпохи культурного ренессанса («романского ренессанса», свершившегося во Франции в XII столетии), обратимся к идее, высказанной в статье «Логико-теологическая проблематика дискуссии об универсалиях: контекст ранней схоластики» [2], где анализируются сферы образования и науки как составляющие культурного ренессанса XII в.: «...Сфера образования получила мощный импульс развития за счет интенсивного использования латинской классики, переводов с греческих и арабских сочинений, руководств по математике и астрономии – были переведены Евклид, Птолемей, аль-Фергани: действи-

тельно, в мир «жадной интеллектуальной деятельности» (Дж. Бернал) ворвалась арабская ученость, ворвался мощный поток классического знания, в сравнении с тем знанием, что сохранил к этому времени западный мир. Расширим хронологические рамки и скажем, что с IX по XIV в. осуществилось подготовленное предшествовавшими столетиями арабо-романское усилие примирить религию и философию, выстроив стройную картину мира. Римская классика и греческая философия были в XII в. ассимилированы латинской христианизированной культурой, что явилось доказательством происходящего культурного ренессанса. Средством этой ассимиляции, однако, явилась мусульманская культура, освоившая сочинения греков задолго до того, как их начал осваивать Западный мир. Что касается образовательной сферы: здесь на приоритетные позиции выходят до конца Средневековья философия и логика» [2, с. 8].

Рассматривая интеллектуальное движение XII в. как основание новой эпохи расцвета во Франции латинской патристической культуры, отметим вслед за Э. Жильсоном специфичность философской атмосферы той далекой эпохи: «...благодаря теологии св. Ансельма, викторианцев и Гильберта Порретанского уже существовал платонизм, более абстрактный, сухой и техничный («самого Платона нет нигде, но платонизмы – повсюду», Э.Ж.) ...открытый для новых веяний, которые придут от Прокла и Авиценны» [3, с. 254–255].

Миру XII столетия был присущ расцвет латинской патристической культуры, и в ситуации совершающегося «романского ренессанса» процессы ассимиляции античной классики, христианизированной культурой XII в., стали очевидными. Но сферы образования, получаемого в интенсивно зарождающихся университетах Запада, это коснулось самым неожиданным образом. Речь идет о пришедшей в университетскую среду из античности римской традиции красноречия («eloquentia»), которая формируется во Франции со времен Алкуина и продолжается вплоть до конца XII в., когда начинается ее постепенное угасание. Вопреки утверждению, что красноречие является лишь природным дарованием, Иоанн Солсберийский возражал, что это дар, который может быть развит благодаря образованию и мудрости. Красноречие – следствие мудрости: к рождению красноречия приводит брачный союз разума и слова.

Такова была и основная идея книги Марциана Феликса Капеллы, написанной в прозе и стихах, «О браке Меркурия и Филологии» [4]. Книга вышла около 470 г. н. э. и является составной частью девятикнижного «Сатирикона». В повествовании, где автор использует мифические образы, Меркурий олицетворяет собой красноречие, Филология символизирует разум, а семь свободных искусств выступают в роли подруг невесты на свадьбе Меркурия и Филологии [5, 6]. В том случае, если брак Филологии и Меркурия распадается, они обрекают себя на бесплодие: «...как красноречие становится не просто безрассудным, если его не просвещает разум, так и мудрость, не умеющая пользоваться словом, не просто слабосильна, но в некотором роде увечна» [5, с. 636].

В XII в. обязательной составляющей образования являлось изучение словесности (латинская классическая культура, представленная в трудах Цицерона, Квинтилиана, св. Августина). К началу XIII в. формируется новая культурная парадигма, сочетающая в себе грамматические основы школьной латыни, курсы логики и философии Аристотеля [7–9]. И хотя изящная словесность не исчезает полностью, она отходит на второй план по сравнению с теологией и схоластической философией, интерес к словесности приглушен. В образовательном процессе все чаще обращаются к псевдоклассическим сочинениям XII в. таких авторов, как Готье из Лилля, Матье Вандомский. В то время как изучению логики уделялось все больше времени, времени на изучение словесности оставалось все меньше. Первые тенденции упрощенного подхода к изящной словесности наметились еще в XII в.: в 1150 г. Петр Гелий изложил в гексаметре основы латинской грамматики, а Матье Вандомский с помощью стихов учит поэтическому искусству в своем труде «Ars Versificatoria».

Окончательно сформировавшаяся к XIII в. «механизация» литературного образования наиболее ярко представлена в двух учебниках – «Poetria nova» (ок. 1210) и «Laborinthus» (ок. 1213).

Процесс постепенного поглощения грамматики логикой приводил к тому, что грамматика как бы предвзяла логику, вместо того чтобы выступать в качестве пролегомена к изучению изящной словесности. В качестве причин, способствующих упадку «элоквенции» в университетах Средневековья, можно выделить следующие: враждебное отношение к язычеству и древнеримской литературе; все более возраставший интерес к науке, наибольшим образом выраженный в произведениях епископа Альберта Великого и Роджера Бэкона; наконец, необходимость развития права и медицины для решения практических вопросов. Вот как раскрывает эти процессы в своем исследовании Этьен Жильсон: «Университетские регламенты XIII века позволяют проследить основные этапы этой перемены... грамматика, преподаваемая логиками, отброшена на задний план основных учебных программ. Утвержденный в начале 1252 года устав «Английской нации» Парижского университета предусматривал четырехлетний срок обучения на факультете искусств. Программа включала семь произведений Аристотеля и «Книгу о шести началах», приписываемую Гильберту Порретанскому. Присциан был представлен одной «Грамматикой» из восьми; не был упомянут ни один классический автор. Устав факультета искусств (март 1255 г.) предписывал изучение ряда трудов Боэция («Книга о шести началах», «Книга о причинах», «О седмицах»), практически всех трудов Аристотеля, – по логике, этике, физике, метафизике, ... бурному натиску философии грамматика могла противопоставить только Присциана» [3, с. 308–309], но от Присциана добавлялись еще на первом курсе, в регламентах университетов Парижа и Тулузы упомянут уделенный ему один час; изучение классиков заканчивалось к началу занятий в университете. Свершилось восстание логизированной грамматики XIII века, изящная словесность была предана забвению, «музы умолкли и словно оцепенели» [3].

Ситуацию изменит XIV в., век «высокого стиля», плодотворный для философии и теологии. Он, по словам Э. Жильсона, освободит из ссылки «изгнанную в конце XII века изящную словесность. И не только: XIV век подготовит интеллектуальный переворот, совершившийся в XV и XVI веках и во многом связанный с именем Петрарки (1304–1374 г.), поэта, названного Эразмом «князем расцветшего красноречия среди италийцев» («reflorescentis eloquentiae princeps apud Italos» (лат)). Петрарка был тем, кто вернул университетам Запады забытую изящную словесность. В 1312 г. порог мало кому известной школы Карпентраса (Италия) переступил восьмилетний мальчик, чтобы изучать латинскую грамматику с учителем Конвеневоле да Прато, бедным и неизвестным. «Прекрасный грамматик, но не художник», – скажет о нем позднее Петрарка: «...он умел наточить свой нож, но не умел им воспользоваться» [3, с. 544]. Конвеневоле скажет позднее, что ему воистину выпало счастье – видел он только одного ученика. «С самого моего детства, – писал Петрарка, – до того возраста, когда все еще зевали над Проспером и Эзопом, я приступил к чтению Цицерона... В том возрасте я не мог ничего понять; единственная вещь, которая меня привлекала, был звучный и нежный ряд слов, тон, которым звучали слова» [3, с. 544]. Ранняя любовь к словесной музыке Цицерона, иступленный восторг перед ней, наслаждение музыкой слов – все то, что питало душу ребенка (в классе Конвеневоле да Прато мальчик проучился четыре года. Таковы факты, позволяющие понять поэта, возвратившего миру культуры Западного университета изящную словесность, ранее покинувшую этот университет. Произошло это, однако, семьдесят лет спустя... Это были годы, включавшие в себя влияние «Исповеди» Августина на Петрарку. Сам Петрарка писал о том, что «Исповедь» явилась ему вратами в священную литературу («Красота стиля этого отца Церкви переменяла состояние его сердца, возвратила к Богу», «Красноречие «Исповеди» не могло сделать меньше для обращения Петрарки, нежели «Гортензий» Цицерона для обращения Августина», – Э. Жильсон). В 1374 г. Петрарка умирает, но

авторитет его был к тому времени и всегда огромен (ранее поэт был приглашен ректором Парижского университета Роберто де Барди, удостоившего его «венца поэтов»). Победа изящных искусств над диалектикой в университетах Франции была очевидной.

Испытав в немалой степени влияние античности, эпоха Средневековья определила образ философской литературы, представленный в ряду таких жанров и форм, как *sophismata*, *reportationes*, *ordinationes*, *collationes*, *resumptiones*, *summae tractatus*, *distinctiones*, *articuli*, *glossae*, *quaestiones*, *disputatae*, *quaestiones quodlibetales*, *quaestiones temptativae*, *florilegia* (многие из этих форм анализируются в [10]).

Для научной культуры Средневековья, как утверждает Т. Ренч, именно *quaestio*, вопрос становится фундаментальным подходом в научно-исследовательской и образовательной деятельности [11]. Устная традиция обучения являлась основополагающей для средневекового образования. В образовательном процессе утверждается лекция как письменный метод преподавания в аудиториях. Процесс записи лекции включал в себя такие промежуточные стадии, как конспектирование (*reportatio* – «вслед за преподавателем») и редактирование (*redactio* – «создание версии, утвержденной магистром»). Лекция – чтение вслух с комментированием – становится важной основой для таких форм, как *quaestio*, *disputatio*, комментарии к сентенциям, для всех тех текстов, форма которых обусловлена устной дискуссией.

Лекция как форма заключала в себе возможность задавать вопросы и проводить дискуссии [10]. Структура лекции включала четыре части:

- *littera* – чтение вслух фрагмента текста для последующего комментария;
- *divisio textus* – сепарация текста и его структурирование;
- отдельные экспозиции каждого из разделов лекции. Экспозиции представляли собой необходимые пояснения и определения непонятных слов, раскрытие возможных контекстов конкретного раздела (*distinctiones*), различные примечания (*notabilia*), предварявшиеся словами «*notandum*», «*nota*». Таким образом, герменевтический анализ, осуществляемый в границах одной экспозиции, мог быть достаточно глубоким;
- итоговый раздел, где осуществлялась систематизация всей информации согласно наиболее важным вопросам, рассмотренным в лекции. На заключительном этапе лекция приобретала форму реальной или вымышленной дискуссии (*disputatio*). Обязательной для заключительного раздела являлась фраза «*dubitandum est*» («возникло сомнение»).

Как содержащая в себе определенную точку зрения на «каноническую истину», лекция включала в себя элементы диспута. Благодаря работе с экспозицией текста метод комментария окончательно закрепляется в образовательной практике Средневековья.

Европейская традиция комментирования имеет свои истоки в античности. В те времена для обозначения этого метода (и сегодня окруженного интересом) существовало несколько терминов: *scholia*, *hyporhesis*, *heuresis*, *syggramma*, *hypomnemata*. Комментарием могла стать строка-цитата на полях папируса, глоссы-пояснения, сноски. Одно из определений комментария дает Н.В. Брагинская: в ее интерпретации комментарий – неведомый словесный текст, поясняющий другой словесный или несловесный текст, гетероглоссный (т. е. на языке другом в самом широком смысле), лемматизированный прямо или косвенно (т. е. с включением или без включения поясняемых элементов) [12, с. 26]. Лемматизированный комментарий представлен фрагментами-схолиями, между которыми связи не существуют. Они, однако, имеют связь с основным текстом. Предельно широкое толкование ступеней комментирования дано Дионисием Фракийским, назвавшим в числе элементов-ступеней комментирования *anagnosis* (верное толкование и членение текста), *exegesis* (объяснение поэтических фигур), объяснение слов (глоссы) и исторических фактов, объяснение этимологическое (*heuresis*), объяснение текста с грамматических позиций (*analogies eklogismos*), целостная оценка произведения (*krisis poiemation*) – в Средние века эта ступень находила свою

реализацию посредством обращения к таким формам, как *indicium*, *emendacio*, *explication*, *lectio*. Наиболее распространенной формой являлась третья ступень комментирования; последняя, как правило, отсутствует. Следует отметить, что формы комментирования могли быть чрезвычайно разнообразны. Вспомним в этом смысле комментарий Прокла к «Тимею»: он получает форму молитвы, его органика определена сальвационностью философии Платона, которая подобно молитве приближает душу к божественному.

Комментирование как метод, применяемый в *lexio*, порождает сегодня, спустя тысячелетие, множество проблем – таковы проблемы, возникающие при переписывании комментирования на другой язык, проблемы отбора текста для комментирования, проблема границ и пределов проявления индивидуального, лемматизация, проблема обеспечения принципа полноты комментирования.

В своем исследовании метода вопрошания П. Адо указывает на возможную предтечу культуры *quaestio* (вопроса) в средневековом образовании: ей стала образовательная практика античности [13]. «Дзететический» («вопрошающий») метод в эпоху античности лежал в основе образования. Практиковались диалектические упражнения. Содержит отголоски этого и философия неоплатонизма (Прокл); эта манера оставалась обычным явлением до Цицерона. П. Адо пишет, что форму «*Аporia i kai lyseis*» («проблемы и их разрешение») диктовала жизненная практика: применение диалектики в обучении было направлено на подготовку к общественной жизни, на то, чтобы сделать обучаемых способными выступать на форумах. Культура вопроса и ответа была культурой спора.

По мере развития научной и университетской жизни в Средние века диспут как форма (*quaestio disputata*) становится неотъемлемой частью университетской практики. В основание культуры диспута положено представление об агоне, берущее начало в эпоху античности. Речь идет об агоне (от греч. *agonia* – борьба) как форме жизни, что находило отражение, в том числе, в схватке с апориями, которые надлежало «победить», разрешая их. В работе «Время, труд и культура в Средние века» [14] Ж. Ле Гофф обращается к проблеме формирования университетского профессионального этоса, ориентированного на идеал борьбы. Идея схватки, борьбы встречается и в «Истории моих бедствий» [1] Абеяра. Абеяра, выходец из семьи потомственных рыцарей, пишет о своем интеллектуальном росте, используя термины и представления военного дела. В этих представлениях диспуты – турниры, битвы; диалектические приемы, логика – арсенал; аргументы – оружие. Выбирая между Минервой и Марсом, он отдает предпочтение служению Минерве.

Как правило, структура диспута включала две части, каждая из которых проводилась в разные дни [15]. По своим атрибутам и процедуре процесс диспута напоминал современную защиту диссертации. Официально утверждались тема и время проведения диспута. Для всех желающих посетить диспут рассылались приглашения, в том числе и на другие факультеты. Магистр, который вел процедуру диспута («*magister tegens*») утверждал несколько тезисов, и в ходе первого заседания ученик, бакалавр, должен был выступать с их защитой, отвечая на критику аудитории. Это первое заседание длилось около трех часов. В ходе второго заседания магистр проводил анализ всех аргументов, высказанных в ходе первого заседания, а также определял, каким образом может быть решена основная проблема диспута (*determination magistralis*). Итогом диспута становилась стенограмма («*reportatio*» секретаря), которая могла быть впоследствии дополнительно отредактирована, расширена и в итоге авторизовалась магистром.

Дважды в год проводился «*quaesiones quodlibetales*», диспут, приуроченный к большим праздникам. Обладая четким регламентом, диспут заключал в себе свободу, подразумевающую и ответственность. Примером сочинения, построенного на основе диспута, можно считать произведение Фомы Аквинского «Об истине» («*De veritate*»), включающее материалы 253 диспутов. В сочинение вошли вопросы («*quaestiones*») и статьи («*articuli*»). К примеру,

вопрос «Об истине» состоял из 17 статей, сформированных на материале 190 возражений («*objectiones*»); вопрос «О душе» был посвящен Аристотелю и состоял из 21 статьи, сформированных на материале 367 возражений. В своем трактате «Об обманах» («*De fallaciis*») Фома Аквинский дает следующее определение сущности диспута: это «силлогическое действие, направленное от одного лица к другому для демонстрации какого-либо положения» [16]. Таким образом, диспут представлял собой возможность научной коммуникации. Постепенно в рамках культуры диспута образуется набор общепринятых форм: «некоторые возражают на этот аргумент» («*ad hoc quidam dicunt*»), «но на это можно возразить» («*sed contra hoc objicitur*»), «на это нужно ответить следующее» («*ad hoc dicendum*»), «возражение может звучать так» («*ita instantia dari possit / ita possit instari*») (набор стандартных конструкций приведен по Ж. Маренбану).

В условиях мистически ориентированного разума диспут являлся схоластическим приемом: ритуализированный диалог провоцировался спецификой так понимаемого разума, диспут был формой общения в схоластической среде. Участники диспута давали интерпретацию тексту посредством обращения к мистике, логическим приемам, с помощью аллегорий, символов, тропов. Это позволяло процессу спора превратиться в грандиозное комментирование текста: «вопросное ядро» обрастало массой аргументов «за» и «против» (иногда это была не одна сотня возражений). И именно это позволяло участникам диспута «вырваться из ошейника текста».

Платформой диспута было изучение текстов, которое сопровождалось экзегезой (от др.-греч. *ἐξηγητικά* – разъяснение, *ἐξηγητής* – истолкователь священного права, прорицаний, установлений, обычаев). Ранее в Афинах было два экзегета: одного пожизненно избирало народное собрание, другой назначался дельфийским оракулом. Экзегеза включала и формы толкования (грамматическое или историческое, смысловое и сентенцию, поучение). Диспут начинался с выбора комментирующей формы толкования, затем формулировался единый комментарий, выискивались противоречия в суждениях оппонента и создавалось вопросно-ответное ядро. Через диалектические приемы в диспутах проявился потенциал грамматики и риторики. Диалектика и риторика, в свою очередь, были объединены логикой, и это говорит о роли речевых искусств – «*Artes sermocinales*» – в диспутах. Грамматика, риторика и диалектика почитались как составные части красноречия, использовались приемы софистов. Эпохой также был сформирован и идеал знания – так называемый схоластический идеал знания (детально проанализированный В.П. Гайденко и Г.А. Смирновым [17]). Он был ориентирован на систему императивов: схоластический идеал знания требовал от основополагающих структур науки того соответствия действительности, которое можно было обнаружить не *post factum* в сопоставлении их с явлениями, но которое было бы гарантировано соотносительностью их со структурой бытия.

Учителя и ученики, как правило, были представителями духовенства, причем и те, и другие могли принадлежать к одной и той же возрастной группе. Во время обучения учителя и ученики могли продолжать жить на доходы от церковных должностей, которые сохранялись за ними, что было возможно благодаря папской привилегии. Они не вступали в брак и не имели семьи, приносили присягу ректору и статутам; обладали общими привилегиями университета и повиновались общим дисциплинарным правилам (подробно об этом см. [18]). Существовало три вида привилегий: папские, королевские и княжеские. Важнейшей среди привилегий являлось право присуждения ученой степени, а также право обладавших степенью на повсеместное признание, что воплощало собой суть университета как *studium generale*. К папским привилегиям, которые были наиболее важными, следует отнести освобождение от резиденции, обязанности пребывания духовного лица на месте его служения. Духовное лицо, проходившее обучение, сохраняло право на бенефиции и пребанды. Особым значением для университета обладал *rotulus* – список соискателей, который предоставлялся папе

для последующего наделения их церковными должностями и соответствующими им бенефициями. Подобно своеобразной метафоре, этот список часто сравнивался со списком героически проявивших себя на полях военных сражений, который подавался полководцам и императорам в Древнем Риме.

«Члены и подданные университета» – «*membra et supposita universitatis*», так называемые «академические граждане», – получали привилегии особой подсудности и не были подвластны ведомству общих судов. К подданным университета относились следующие категории лиц: книгопродавцы (торговавшие книгами и передававшие их в прокат), торговцы бумагой и пергаментом, переписчики и типографчики, переплетчики и орнаментчики, аптекари, банщики, мастера инструментов (астрономических, хирургических, математических), держатели трактиров, банкиры, посыльные (в Средние века не было почты; к числу тех, кто ссужал школяров деньгами, были отнесены «большие посыльные» («*magni nuntii*»), посыльные первого ранга; в число доставщиков корреспонденции входили «малые посыльные» («*parvi nuntii*»). Вступая в должность, посыльные университета давали присягу в верности («*jurati nuntii*»), а получаемая грамота гарантировала неприкосновенность «присяжного посыльного»). Подчеркнем, что, начиная с XIV в., в университетах возникают так называемые смешанные суды и ректорская юрисдикция играла свою роль лишь тогда, когда и преступник, и потерпевший входили в число подданных университета (исключение составляли тяжкие уголовные преступления). Существовала определенная особенность средневекового социума, результатом которой и стало такое явление, как особая подсудность. Основную массу людей в университете составляли представители духовенства, обладавшие особой судебной привилегией. Так называемые «академические граждане» также освобождались от повинностей – сторожевой (караульной), постоянной, воинской, от податей и налогов, от дорожных и таможенных пошлин.

Стоит отметить, что в парижских кругах практиковались телесные наказания в виде сечения плетью. Данной экзекуции могли быть подвергнуты не только студенты, но и бакалавры. Известно, что во Франции до 1520 г. сфера уголовных дел находилась в компетенции епископа, в то время как сфера гражданских дел – в компетенции королевских консерваторов (балы и прево). К концу Средневековья ситуация кардинально меняется: в 1446 г. Карлом VII было предоставлено парламенту право судить по гражданским делам университета членов университета, и начиная с этого времени юрисдикция парламента стала касаться всех дел, относящихся к членам университета. Это означало резкое возрастание власти парламента в решении судебных дел. В XVI в. исчезла и должность консерватора папских привилегий.

Подводя итоги, отметим, что образование университета произошло в великую эпоху схоластической теологии и философии и совпало с усилиями и готовностью мыслителей воспринять мощные идеи греческой и арабской философии и науки. Влияние, оказываемое греческой и арабской философией и наукой на процесс становления университетов в эпоху Средневековья, трудно переоценить. Особенно это касается трудов Аристотеля, давших для объяснения природы набор тех «гибких и плодотворных понятий и принципов» (Э. Жильсон), с помощью которых человек Средневековья обрел полное понимание явлений природы, а возникающие университеты становились интеллектуальными центрами христианского мира [19, 20]. В представленных статьях предпринята попытка обозначить вектор специфики университета как социокультурного феномена, рассмотрев его в дискурсе симбиоза интеллектуальных и социокультурных традиций эпохи XII–XIII вв., подготовившей платформу для создания первых университетов Средневековья. Автор полагает, что специфику университета как интеллектуального центра христианского мира в полной мере и степени воплотил в себе университет Парижа. Эта идея объясняет тот акцент на Парижском университете, который сделан в проведенном исследовании.

Упадок шартрских школ, словно теряющихся в блеске зарождающегося парижского университета, был очевидным. Парижский университет XIII в. приобрел славу цитадели логических исследований, что обеспечило специфику типа философии и теологии, развиваемых в стенах этого университета Франции.

Обратим внимание на немаловажную деталь. Конец XII – начало XIII вв. отмечены процессом трансформации влиятельных школ в университеты [21]. Возникали и университеты, не связанные с уже существовавшими школами, в том числе школами соборными. Этим вновь возникающим университетам были предоставлены мощные привилегии. Был определен окончательный статус титула «магистр» – отныне магистрами становились получившие интенсивное и специализированное образование и, как следствие, лицензию на преподавание у Канцлера университета. Стала возрастать значимость профессуры, что затронуло и университеты Средневековья, оформленные студенческими гильдиями. Однако многое оказалось утраченным навсегда; историки университетского образования в эпоху Средневековья пишут о том, что исчез восторг предвкушения возможности увидеть и услышать «самого» Абеяра, пройдя или проскакав для этого сотни миль (см. об этом работы К. Брука [22] о французском Возрождении XII в., О.С. Воскобойникова [23] о христианской культуре Запада, работы Х. Денифле и Х. Расхдалла, М. Грабмана, Й. Хофера). Поколению, воспитанному на «учебных программах» XIII в., уже не был присущ трепет, которым были заполнены аудитории центров обучения Средневековья периода их расцвета до основания университетов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абеяра П. История моих бедствий. – М.: ИФРАН, 2011. – 125 с.
2. Корниенко М.А. Логико-теологическая проблематика дискуссии об универсалиях: контекст ранней схоластики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2022. – № 66. – С. 5–17. DOI: 10.17223/1998863X/66/1.
3. Жильсон Э. Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIV века. – М.: Республика, 2004. – 678 с.
4. Арсеньев В. Средневековый университет и наследие Марциана Капеллы // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 11 (125). – С. 1–2. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.125.24>.
5. Капелла М. Бракосочетание Филологии и Меркурия. – М.: URSS, 2019. – 400 с.
6. Capella M. The marriage of philology and mercury // Martianus Capella and the seven liberal arts. – New York: Columbia University Press, 1977. – V. II. – 389 p. URL: <https://archive.org/details/martianuscapella00002unse1977> (дата обращения 15.05.2023).
7. Денежкин М.Г. Школьная жизнь и социальные коллизии второй половины XII века в диспуте пресвитера и логика // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. – 2021. – № 12. – С. 47–67.
8. Ferruolo S.C. The origins of the university: the schools of Paris and their critics. 1100–1215. – Stanford, Calif.: Stanford University, 1985. – 392 p.
9. Rigg A. G. Goliath and other pseudonyms // *Studi Medievali*. – 1977. – V. 18. – P. 65–109.
10. Культура интерпретации до начала Нового времени: коллективная монография / под ред. О.С. Воскобойникова, Ю.В. Ивановой. – М.: ИД ГУ–ВШЭ, 2009. – 463 с.
11. Ренч Т. Культура quaestio: к вопросу об истории литературных форм средневековой философии // Культура интерпретации до начала Нового времени: коллективная монография. – М.: ИД ГУ–ВШЭ, 2009. – С. 181–207.
12. Брагинская Н.В. Комментарий как механизм инноваций в традиционной культуре и не только // Культура интерпретации до начала Нового времени. – М.: ИД ГУ–ВШЭ, 2009. – С. 19–66.
13. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. – М.; СПб.: Степной ветер, Коло, 2005. – 444 с.
14. Le Goff J. Time, work, & culture in the Middle Ages. – Chicago; London: University of Chicago Press, 1980. – 408 p.
15. Novikoff A.J. The medieval culture of disputation: pedagogy, practice, and performance (the Middle Ages Series). – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013. – 336 p.
16. Фома Аквинский. Об обманах // Сумма теологии. URL: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-8/9_5 (дата обращения 10.06.2023).
17. Гайденок В.П., Смирнов Г.А. Западноевропейская наука в средние века: общие принципы и учение о движении. – М.: Наука, 1989. – 352 с.
18. Суворов Н.С. Средневековые университеты. – М.: Книга по требованию, 2023. – 253 с.
19. Kollini S. What are universities for? – UK: Penguin, 2012. – 240 p.

20. Дорога к академическому совершенству: Становление исследовательских университетов мирового класса. – М.: Весь мир, 2012. – 416 с.
21. Шапкин И.Н. От средневекового к современному университету: этапы развития и концептуальные решения // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – № 12 (3). – С. 102–109. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-102-109.
22. Брук К. Возрождение XII века // Богословие в культуре Средневековья. – Киев: Христианское братство «Путь к истине», 1992. – С. 119–226.
23. Воскобойников О.С. Тысячелетнее царство (300–1300). Очерк христианской культуры Запада. – Ульяновск: Ульяновский дом печати, 2014. – 568 с.

Информация об авторах

Корниенко Михаил Анатольевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований Национального исследовательского Томского государственного университета, Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36. mkornienko1@gmail.com; шифр специальности ВАК: 5.7.7. Социальная и политическая философия.

Поступила в редакцию: 03.07.2023

Поступила после рецензирования: 10.11.2023

Принята к публикации: 28.12.2023

REFERENCES

1. Abelyar P. *Istoriya moikh bedstviy* [History of my disasters]. Moscow, IFRAN Publ., 2011. 125 p.
2. Kornienko M.A. Logical-theological problems of the debate about universals: the context of early scholasticism. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2022, no. 66, pp. 5–17. In Rus. DOI: 10.17223/1998863X/66/1.
3. Gilson E. *Filosofiya v srednie veka: ot istokov patristiki do kontsa XIV veka* [Philosophy in the Middle Ages: from the origins of patristics to the end of the XIV century]. Moscow, Respublika Publ., 2004. 678 p.
4. Arsenev V. Medieval university and the legacy of martianus capella. *Mezhdunarodny nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2022, no. 11 (125), pp. 1–2. In Rus. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.125.24>.
5. Kapella M. *Brakosochetanie filologii i merkuriya* [Marriage of philology and mercury]. Moscow, URSS Publ., 2019. 400 p.
6. Capella M. The marriage of philology and mercury. *Martianus Capella and the seven liberal arts*. New York, Columbia University Press, 1977. Vol. II, 389 p. Available at: <https://archive.org/details/martianuscapella00002unse1977> (accessed 15 May 2023).
7. Denezhkin M.G. Shkolnaya zhizn i sotsialnye kollizii vtoroy poloviny XII veka v dispute presvitera i logika [School life and social collisions of the second half of the 12th century in the dispute between the presbyter and logic]. *Cursor Mundi: chelovek Antichnosti, Srednevekovyya i Vozrozhdeniya*, 2021, no. 12, pp. 47–67.
8. Ferruolo S.C. *The origins of the university: the schools of Paris and their critics. 1100–1215*. Stanford, Calif., Stanford University, 1985. 392 p.
9. Rigg A.G. Goliath and other pseudonyms. *Studi Medievali*, 1977, vol. 18, pp. 65–109.
10. *Kultura interpretatsii do nachala Novogo vremeni* [Culture of interpretation before the beginning of modern times]. Eds. O.S. Voskoboynikova, Yu.V. Ivanova. Moscow, HSE Publ., 2009. 463 p.
11. Rench T. Kultura quaestio: k voprosu ob istorii literaturnykh form srednevekovoy filosofii [Culture quaestio: on the history of literary forms of medieval philosophy]. *Kultura interpretatsii do nachala Novogo vremeni* [Culture of interpretation before the beginning of modern times]. Moscow, HSE Publ., 2009. pp. 181–207.
12. Braginskaya N.V. Kommentariy kak mekhanizm innovatsiy v traditsionnoy kulture i ne tolko [Commentary as a mechanism of innovation in traditional culture and beyond]. *Kultura interpretatsii do nachala Novogo vremeni* [Culture of interpretation before the beginning of modern times]. Moscow, HSE Publ., 2009. pp. 19–66.
13. Ado P. *Dukhovnye uprazhneniya i antichnaya filosofiya* [Spiritual exercises and ancient philosophy]. Moscow, St. Petersburg, Steppe Wind Publ., Kolo Publ., 2005. 444 p.
14. Le Goff J. *Time, work, & culture in the Middle Ages*. Chicago, London, University of Chicago Press, 1980. 408 p.
15. Novikoff A.J. *The medieval culture of disputation: pedagogy, practice, and performance (the Middle Ages Series)*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2013. 336 p.
16. Foma Akvinskiy. Ob obmanakh [About deceptions]. *Summa teologii*. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-8/9_5 (accessed 10 June 2023).

17. Gaydenko V.P., Smirnov G.A. *Zapadnoevropeyskaya nauka v srednie veka: obshchie printsipy i uchenie o dvizhenii* [Western European science in the Middle Ages: general principles and doctrine of movement]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 352 p.
18. Suvorov N.S. *Srednevekovye universitety* [Medieval universities]. Moscow, Book on demand Publ., 2023. 253 p.
19. Kollini S. *What are universities for?* UK, Penguin, 2012. 240 p.
20. *Doroga k akademicheskomu sovershenstvu: stanovlenie issledovatel'skikh universitetov mirovogo klassa* [The road to academic excellence: building world-class research universities]. Moscow, The Whole World Publ., 2012. 416 p.
21. Shapkin I.N. From medieval to modern university: stages of development and conceptual solutions. *Bulletin of the Financial University*, 2022, no. 12 (3), pp. 102–109. In Rus. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-102-109.
22. Bruk K. Vozrozhdenie XII veka [Renaissance of the 12th century]. *Bogoslovie v kulture Srednevekovya* [Theology in the culture of the Middle Ages]. Kiev, Khristianskoe bratstvo «Put k istine» Publ., 1992. pp. 119–226.
23. Voskoboynikov O.S. *Tysyacheletnee tsarstvo (300–1300). Ocherk khristianskoy kultury Zapada* [Millennial Kingdom (300–1300). Essay on Christian culture of the West]. Ulyanovsk, Ulyanovsk Printing House, 2014. 568 p.

Information about the authors

Mikhail A. Kornienko, Cand. Sc., Senior Researcher, National Research Tomsk State University, 36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation, mkornienko1@gmail.com.

Received: 03.07.2023

Revised: 10.11.2023

Accepted: 28.12.2023